БІБЛІЯГРАФІЧНЫ СПІС

[1] Гл.: Burger W. Ruch ludowy wobec kwestii społeczno-ustrojowych II Rzeczypospolitej. Szczecin, 1983. S. 152.
[2] Гл.: Madajczyk Cz. Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce (1918–1939). Warszawa, 1956. S. 85.
[3] Гл.: Dziedzictwo: ziemianie polscy i udział ich w życiu narodu. Kraków, 1996. S. 76.
[4] Jakubowska B. Ruch ludowy wobec przesłości narodowej (do 1939 r.). Warszawa, 1995. S. 126.
[5] Bujak Fr. Uwagi krytyczne o naszej reformie rolnej. Warszawa; Lublin; Łódź; Poznań; Kraków, 1921. S. 16.
[6] Гл.: Mieszczankowski M. Struktura agrarna Polski międzywojennej. Warszawa, 1960. S. 100.
[7] Гл.: Polskie Towarzystwo Historyczne, 1886–1986. Zbiór studiów i materiałów. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990. S. 338.
[8] Гл.: Kto był kim w Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1994. S. 32–33.
[9] Гл.: Jakubowska B. Op. cit. S. 127.
[10] Гл.: Noniewicz Cz. Rozwój gospodarki chłopskiej. Białystok, 1996. S. 56.
[11] Гл.: Zarys historii polskiego ruchu ludowego: w 2 tomach. T. 2. 1918–1939 / Jan Borkowski et al. Warszawa, 1970. S. 529.
[12] Гл.: Jakubowska B. Op. cit. S. 129.
[13] Żarnowski J. Społeczeństwo Drugiej Rzeczypospolitej, 1918–1939. Warszawa, 1973. S. 179–180.
[14] Ibid. S. 338–339, 362–364.
[15] Гл.: Burger W. Op. cit. S. 154.
[16] Гл.: Madajczyk Cz. Op. cit. S. 101.
[17] Bujak Fr. O podziale ziemi i reformie rolnej. Warszawa, 1920. S. 52; Burger W. Op. cit. S. 154.
[18] Гл.: Wojtas A. Problematyka agrarna w polskiej myśli politycznej 1918–1948. Warszawa, 1983. S. 295.
[19] Bujak Fr. Uwagi krytyczne o naszej reformie rolnej... S. 9.
[20] Гл.: Bujak Fr. O podziale ziemi i reformie rolnej... S. 86.
[21] Ibid. S. 12.
[22] Bujak Fr. O naprawie ustroju rolnego w Polsce. Lublin; Łódź; Kraków, 1919. S. 9.
[23] Гл.: Wojtas A. Op. cit. S. 296.
[24] Гл.: Ciepielewski J. Stronnictwa i partie polityczne wobec kwestii rolnej i chłopskiej w Polsce międzywojennej. Warszawa, 1969. S. 31.
[25] Bujak Fr. O naprawie ustroju rolnego w Polsce... S. 9.
[26] Гл.: Wojtas A. Op. cit. S. 295.
[27] Гл.: Mieszczankowski M. Struktura agrarna Polski międzywojennej... S. 100.
[28] Гл.: Bujak Fr. O naprawie ustroju rolnego w Polsce... S. 77.
[29] Wojtas A. Op. cit. S. 295.
[30] Bujak Fr. Uwagi krytyczne o naszej reformie rolnej... S. 16.
[31] Гл.: Reformy rolne w Polsce międzywojennej i powojennej. Prawo-realizacja-skutki-problemy reprywatyzacyjne. Poznań, 2008. S. 25.
[32] Bujak Fr. O podziale ziemi i reformie rolnej... S. 90–91.
[33] Mich W. W obliczu wywłaszczenia. Kwestia reformy rolnej w publicystyce ziemiańskiej 1918–1939. Lublin, 2001. S. 88.
[34] Bujak Fr. Historia osadnictwa w krótkim zarysie. Warszawa, 1920. S. 5.
[35] Bujak Fr. O naprawie ustroju rolnego w Polsce... S. 151–152.
[36] Гл.: Wojtas A. Op. cit. S. 300.
[37] Гл.: Mieszczankowski M. Struktura agrarna Polski międzywojennej... S. 100.
[38] Гл.: Jakubowska B. Ruch ludowy wobec przesłości narodowej (do 1939 r.)... S. 128–129.

Паступіў у рэдакцыю 04.10.12.

Віталь Пятровіч Гарматны – выкладчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Баранавіцкага дзяржаўнага ўніверсітэта.

О. В. ЧЕБЕРЯКО

ПОДОХОДНО-ИМУЩЕСТВЕННЫЙ НАЛОГ КАК ИСТОЧНИК ДОХОДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА УССР В 1920-е гг.

Освещается введение советской властью подоходно-имущественного налога граждан, его место в системе прямых налогов. Раскрыт классовый принцип в определении ставок подоходного налога. Определены категории и социально-профессиональная структура налогоплательщиков, показано их долевое участие в формировании бюджета. Отмечается, что в целом налог касался каждой заработной платы, годичного дохода ремесленников, нэпманов, домовладельцев, арендаторов и др. Подавляющее большинство плательщиков подоходного налога составляли «нетрудовые элементы». Определено долевое участие в формировании денежных средств от подоходного налога государственно-кооперативного и частного секторов экономики.

Ключевые слова: доход; подоходно-имущественный налог; финансирование; государственный бюджет; денежные средства; плательщики; налогообложение; УССР.

In the article is known soviet power of podokhodno-property tax of citizens, his place in the system of direct taxes. Class principle is exposed in determination of rates of income-tax. Categories and socially-professional structure of taxpayers are certain, their individual share in formation of the budget is shown. On the whole a tax touched every salary, circannual profit of artisans, new economic policies, house owners, leasers and other. Swingeing majority of payers of income-tax was made by «unearned elements». Equity participation is certain in forming of monetary resources from an income-tax state-cooperative and private sectors of economy.

Key words: profit; podokhodno-property tax; financing; the goverment budget; money facilities; payers; taxation; Ukrainian.

История налоговой политики в УССР 1920-х гг., особенно конкретных видов налогов, включая подоходно-имущественный, остается недостаточно изученной. Налоговая система УССР в начале 1920-х гг. создавалась с целью обеспечения доходов государственного и местных бюджетов. Потому, исследуя налоговую политику, важно определить долевое участие различных социально-профессиональных групп советского общества в формировании бюджета, отличительные черты соци-

ально-экономического механизма его наполнения. Целью статьи является определение особенностей взимания подоходно-имущественного налога, его значения для финансирования государственного бюджета УССР в 1920-е гг.

Система налогообложения граждан УССР (если не принимать во внимание сельскохозяйственный и промышленный налоги) начала формироваться в марте 1922 г. Тогда был введен первый целевой общегражданский налог. Подоходно-имущественный налог официально ввели 16 ноября 1922 г. Но реально его начали взимать с 1 января 1923 г. За год он принес бюджету 2,1 тыс. червонцев[1]. Первый опыт сбора подоходного налога был признан неудачным. За первый и второй кварталы 1922/1923 бюджетного года выявили только 170 тыс. налогоплательщиков, а сумма собранного налога составила 24 тыс. руб.[2] Учет и регистрация требовали большего количества необходимых средств и подготовленных налоговиков, которые занимались, кроме того, обложением налогом крестьянских хозяйств, торговых и промышленных предприятий. Фискальный характер уже существующих налогов вызывал отрицательное отношение к налоговым органам и неудовлетворение налоговой политикой. Из десяти прямых налогов, которые были в УССР в 1922–1925 гг., подоходный занимал третью ступеньку по количеству поступлений, если не брать во внимание гербовый сбор. Вместе с тем задолженность по подоходному налогу за 1923/1924 год составила 36 %[3]. Она была обусловлена неурожаем текущего года, обеднением населения, отчислениями на местные нужды. Для налогоплательщиков было обременительно одновременное выполнение сельскохозяйственного, промышленного и подоходного налогов. В 1922/1923 году только Госбанком и Укрбанком среди населения было размещено различных займов на сумму 3,9 млн руб.[4] 27 июля 1923 г. ЦИК и СНК СССР издали постановление «Об определении твердых ставок местных налогов и сборов», в котором указывались конкретные налоговые ставки за тот или другой вид предпринимательской деятельности. При этом осуществлялся классовый принцип налогообложения с использованием прогрессивной ставки. Таким образом, обложение налогом доходов так называемых нэпманов проводилось с особым вниманием. Плательщики подоходного налога распределялись на три категории. К первой относились наемные рабочие (категория «А»), ко второй – ремесленники, извозчики, торговые агенты, представители свободных профессий, духовенство (категория «Б»), к третьей – собственники торговых и промышленных предприятий, арендаторы, ростовщики, домовладельцы, так называемые нетрудовые элементы (категория «В»). Прогрессивная ставка применялась только к тем, чьи доходы были больше определенного минимума – в крупных городах свыше 500 руб., а для остальных – от 300 до 450 руб.

Подоходный налог взимался со всех наемных рабочих, если они получали заработную плату. В первой половине 1923/1924 бюджетного года в категории «Б» 56,4 % плательщиков налога представляли кустарно-ремесленническое производство. В категории «В» собственников торгово-промышленных предприятий первого и второго разряда было 48 %, а домовладельцев – 37 %. Средняя сумма дохода плательщиков, уплачивавших налог по прогрессивной ставке, составляла 607 руб. Налог взимался из суммы выше установленного минимума, который составлял 107 руб.

В целом налог касался заработной платы, годичного дохода ремесленников, нэпманов, домовладельцев, арендаторов и др. В 1923/1924 году в Донбассе налогообложению подлежало 54 810 чел., из которых 60 % представляли категорию «В», а остальные относились к категориям «А» и «Б». Таким образом, подавляющее большинство плательщиков подоходного налога состояло из нетрудовых элементов. Собственники торгово-промышленных учреждений среди плательщиков подоходного налога в этом регионе составляли 36 %, а домовладельцы – 15 %[5].

Налоговые органы осуществляли повседневную оперативную деятельность. В 1922/1923 году в СССР работали 629 тыс. налоговиков, а в первой половине 1923/1924 года – свыше 2 млн чел. В УССР эти цифры составляли соответственно 218 и 621 тыс. чел.

В СССР в первой половине 1923/1924 года взимался подоходный налог по прогрессивной ставке у 447 тыс. чел., а в Украине – у 161 тыс. чел. Доходы, подлежащие налогообложению, достигали в СССР 407 млн руб., а в УССР – 115 млн руб. Их общая сумма по сравнению с предыдущим годом выросла на треть. Более двух третей доходов в УССР принадлежало так называемым нетрудовым элементам, из которых 12 % имели доход до 500 руб., 45 % – от 500 до 1000 руб., 25 % – от 1000 до 2000 руб., 11,3 % – от 2000 до 4000 руб., 6,3 % – свыше 4000 руб.[6]

К доходам государственного бюджета перечисленные проценты плательщиков подоходного налога имели косвенное отношение, ибо Наркомфин УССР интересовали прежде всего реальные деньги. За первое полугодие 1923/1924 бюджетного года в УССР подоходным налогом было охвачено 546 тыс. чел. категорий «Б» и «В» на общую сумму 3,4 млн руб. Из них 199 тыс. чел. относились к категории «Б» (сумма налога 1,1 млн руб.) и 347 тыс. чел. – к категории «В» (сумма налога 2,3 млн руб.)[7]. Вместе с категорией «А» в УССР за первое полугодие 1923/1924 года было собрано 3,8 млн руб. подоходного налога, что составляло 29,2 % общесоюзного дохода. Количество плательщиков категорий «Б» и «В» и общая сумма денежных средств от подоходного налога за первое полугодие 1923/1924 года по губерниям УССР представлены в таблице.

Динамика подоходного налога в губерниях УССР за первое полугодие 1923/1924 года[8]

Губерния	Категория «Б»		Категория «В»		Всего	
	Количество плательщиков	Сумма налога, руб.	Количество плательщиков	Сумма налога, руб.	Количество плательщиков	Сумма налога, руб.
Волынская	12 409	54 738	19 211	112 651	31 620	167 390
Донецкая	11 146	49 661	28 225	173 395	39 371	223 057
Екатеринославская	19 971	101 850	36 391	237 273	56 362	339 124
Киевская	42 484	278 782	62 881	464 465	105 365	744 249
Одесская	36 993	232 750	47 197	356 531	84 190	589 282
Подольская	20 139	88 210	36 493	222 098	56 632	310 308
Полтавская	16 780	74 464	46 137	241 796	62 917	316 261
Харьковская	24 461	198 003	100 657	370 988	80 118	568 992
Черниговская	9290	40 617	20 235	112 252	29 525	152 869
Всего	198 673	1 119 082	347 427	2 292 456	546 100	3 411 539

Таким образом, половину денежных средств подоходного налога от плательщиков категории «Б» обеспечивали Киевская и Одесская губернии, а от плательщиков категории «В» – треть. Деление плательщиков каждой категории на социально-профессиональные группы, характерное для литературы 1920-х гг., имеет важное научное значение для освещения истории и эволюции подоходного налога, определения роли различных социальных групп в обеспечении доходов бюджета. Например, из 3,8 млн руб. подоходного налога за первую половину 1923/1924 года сумма налога рабочих и служащих была всего лишь 6 %[9]. За третий квартал 1923/1924 года в УССР поступления от подоходного налога составили 2,8 млн руб. Первенство принадлежало Харьковской губернии, за ней находились Киевская и Одесская губернии[10]. По взиманию подоходного налога этот год оказался намного лучше предыдущего. Дело в том, что неплохой урожай 1923 г. обусловил лучшее экономическое развитие. Но главное, сформировалась соответствующая налоговая сеть и был налажен учет плательщиков налога. Служащие и рабочие, которые получали зарплату от 50 до 100 руб. золотом, должны были платить в 1923 г. 3 руб. подоходного налога за полугодие, от 100 до 150 руб. – 5 руб., от 150 руб. и больше – 7 руб., или 9,5 %, за год[11].

Статистические данные о выполнении подоходного налога в изданиях, подготовленных ЦСУ и Наркомфином УССР, не совпадают. Вместе с тем они отражают динамику поступления денежных средств от подоходного налога в бюджет УССР. Например, в справочнике под редакцией сотрудника коллегии ЦСУ УССР М. А. Авдеенко приведены такие цифры подоходного налога: в 1923/1924 году – 12 млн руб., в 1924/1925 году – 13 млн руб., в 1925/1926 году – 21 млн руб., в 1926/1927 году – 25 млн руб. Удельный вес этого налога в доходах государственного бюджета снизился с 27,4 % в 1923/1924 году до 9,1 % в 1926/1927 году[12]. В издании серии «Статистика фінансів» представлены другие показатели поступления подоходно-имущественного налога: от 3,3 млн руб. в 1924/1925 году до 27,3 млн руб. в 1926/1927 году[13]. Уменьшение удельного веса подоходного налога в доходах государственного бюджета было связано с увеличением финансовых поступлений от других налогов. Вместе с тем общая сумма денежных средств от подоходного налога увеличивалась за счет количества плательщиков и повышения ставок налога на зажиточные группы населения. В 1924/1925 году в республиканский бюджет отчислялось 26 % территориальной суммы подоходного налога, в 1925/1926 году – 90 %[14]. Таким образом, этот налог был важным финансовым источником, свидетельствующим о личном участии граждан в формировании доходов государственного бюджета.

Ежемесячное выполнение гражданами подоходного налога было прежде всего результатом чрезвычайно высокой активности налоговых органов, но не сознательности плательщиков, особенно собственников частных предприятий, которые вынуждены были платить одновременно несколько налогов. Долги за предыдущий год были характерным явлением для подоходного налога. Поэтому осуществлялись кампании принудительного взимания налога.

За первое полугодие 1925/1926 года в УССР поступило от подоходного налога 8,1 млн руб., что составляло 37,2 % годичного задания[15]. Налоговые органы стремились максимально охватить население подоходным налогом, но долевое участие социальных групп в формировании государственных доходов было разным. Преобладание среди плательщиков собственников торговых заведений 1–2-го разряда не гарантировало стабильных и значительных финансовых поступлений, поскольку уменьшалось количество самих собственников. А ставка налога на зажиточные группы определялась размером их дохода. В УССР в 1926/1927 году насчитывалась 331 тыс. плательщиков подоходного налога, из них треть составляла «городская буржуазия». Из 1500 млн руб. их дохода было получено 5,2 % подоходного налога[16]. Прогрессивный налог взимался в том случае, когда чистый доход превышал налоговый минимум – от 800 до 1200 руб. Но подавляющее большинство плательщиков имело доход 500–800 руб. Например, в категории «А» в зависимости от социально-профессиональной группы (наемные рабочие, кустари и др.) налог взимался от 0,7 до 30 % дохода, в категории «Б» – от 2,5 до 35 % дохода, в категории «В» (собственники торгово-промышленных учреждений) – от 3 до 45 % чистого дохода[17]. Налоговый сбор первой категории, учитывая общее количество плательщиков и сумму денежных средств,

полученных от них, составил тогда 15 руб. на человека, второй – 38 руб., третьей – 195 руб. Однако налоговые органы использовали в налогообложении классовый принцип. Если рабочие и служащие, кроме основной работы, занимались предпринимательством, то их подоходный налог составлял 30–35 % прибыли. В то же время собственники частных предприятий вынуждены были платить до 54 % от своей прибыли[18].

В 1926/1927 году плательщики подоходного налога распределялись следующим образом. Категория «А» насчитывала 160 тыс. чел. Из них 60 тыс. чел. были рабочие (37,5 %), 96 тыс. чел. – служащие (60 %), 4 тыс. чел. (2,5 %) – наемные промышленных, кооперативных товариществ, инвалиды. Подавляющее большинство представителей этой категории сосредоточивалось в городах (80 %). Категория «Б» насчитывала 106 тыс. чел., 69 % из них представляли кустари. Категория «В» включала 100 тыс. чел., из них торговлей занимались 86,3 %. Представители всех трех категорий в 1926/1927 году пополнили государственный бюджет УССР на 25–26 млн руб. Однако 75 % этой суммы внесли плательщики категории «В». Кроме того, существовал также целевой квартирный налог, плательщиками которого были 50 тыс. собственников. Они дали бюджету 2,8 млн руб.[19]

Начиная с 1927/1928 года и на протяжении последующих трех лет продолжалась тенденция максимального взимания подоходного налога. Часть его была переложена на плательщиков в государственных и кооперативных учреждениях, поскольку в условиях сворачивания нэпа быстро уменьшалось количество частных учреждений и наемных рабочих. В 1927/1928 году налог на имущество, полученное в наследство, составил 54 тыс. руб.[20], а подоходный – 34 млн руб., что составляло 17 % налоговых поступлений и 13 % доходной части государственного бюджета УССР[21]. В 1928/1929 году за счет подоходного налога планировалось собрать 39,5 млн руб., что должно было составить 12,2 % налоговой и 9,4 % доходной части бюджета. Общую сумму этого налога по сравнению с предыдущим годом планировалось увеличить почти на треть. Реально поступило от подоходного налога 52,3 млн руб., а годовое задание было перевыполнено почти на 25 %[22]. Поступления от этого налога составили 13 % дохода бюджета УССР. Увеличение денежных средств происходило прежде всего потому, что СНК УССР разрешил налоговым органам изымать у собственников половину налогового оклада в виде авансового сбора[23]. Впервые за все предыдущие годы было получено 0,3 млн руб. за счет налога на имущество, полученное в наследство. Эти средства также пополнили бюджет.

Государственно-кооперативный и частный секторы экономики, как свидетельствуют материалы бюджета на 1929/1930 год, отличались долевым участием в формировании денежных средств от подоходного налога. Так, в 1926/1927 году за счет частного сектора было собрано 77 %, в 1927/1928 году – 86 %, а в 1928/1929 году – 80 % общей суммы подоходного налога[24]. Таким образом, деньги от подоходного налога в частном секторе составляли преобладающую часть поступлений от этого налога. Политика экономического ограничения частного сектора в торговле путем повышения с 26 сентября 1926 г. и с 14 декабря 1927 г. норм налогообложения оказалась недальновидной. Общая сумма подоходного налога в СССР за 1924–1929 гг. выросла в 2,5 раза[25], а в УССР – в 4,4 раза. Это было достигнуто путем усиления налогового давления на граждан, особенно тех, кто занимался частным предпринимательством, имел мелкие торгово-промышленные учреждения.

Таким образом, подоходно-имущественный налог советская власть ввела в 1922/1923 бюджетном году и за счет поступлений от этого налога существенно наполняла доходную часть государственного бюджета. В то же время постоянно нарастало налоговое давление на «торговую и промышленную буржуазию», на так называемых нэпманов. Власть не допускала «капиталистического перерождения» общества, теряя в перспективе финансовые источники бюджетных доходов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 См.: Несмелов Ф. Налоговые доходы за пять лет // Финансовый бюллетень. 1923. № 4. С. 5.

2 См.: Свод общегосударственных доходов и расходов по росписи на 1922/1923 бюджетный год в золотых рублях // Там же. 1923. № 5-6. С. 11, 15.

3 См.: Несмелов Ф. Указ. соч. С. 9.

4 См.: Материалы для определения роли Украины в общегосударственном бюджете СССР в 1913, 1922/1923, 1923/1924 и 1924/1925 годах. Харьков, 1925. С. 31.

5 См.: Прямые налоги на Донбассе // Финансовый бюллетень. 1924. № 41. С. 10–11.

6 См.: Сравнительные результаты обложения подоходно-поимущественным налогом в 1-й половине 1923/1924 бюджетного года по Союзу ССР и Украине // Там же. 1924. № 30. С. 6.

7 См.: Соколов В. С. Результаты проведения подоходно-поимущественного налога на Украине в 1-м полугодии 1923/1924 года // Там же. 1924. № 18. С. 6.

8 Там же.

9 См.: Сравнительные результаты... С. 11.

10 См.: Соколов В. С. Прямые налоги на Украине в 3-м квартале 1923/1924 года // Финансовый бюллетень. 1924. № 39.

11 См.: Хроника. Подоходно-поимущественный налог // Там же. 1923. № 29-30. С. 11–12.

12 См.: Фінанси України / загальна ред. члена колегії ЦСУ М. О. Авдієнка. Харьков, 1927. С. 40.

13 См.: Фінанси України 1926/1927 рік: Статистика України. № 150. Випуск IV–X. Харьков, 1929. С. 16–17.

14 См.: Пояснююча записка до державного бюджету Української Радянської Соціалістичної Республіки на 1926/1927 бюджетовий рік. Харьков, 1926. С. 20.

15 См.: Раевский А. Реализация государственного и местного бюджета на Украине // Хозяйство Украины. 1926. № 5-6. С. 49.

16 См.: Пояснююча записка до державного бюджету УРСР на 1927/1928 бюджетовий рік. Харьков, 1928. С. 19.

17 См.: Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 30. Оп. 2. Спр. 6282. Л. 26.

[18] См.: Пояснююча записка... С. 71.
[19] См.: Фінанси України 1926/1927рік... С. 58–59, 67.
[20] Там же. С. 67.
[21] Державний бюджет УРСР на 1928/1929 рік з пояснюючою запискою. Харьков, 1928. С. 14.
[22] Там же. С. 5.
[23] См.: Державний бюджет УРСР на 1929/1930 рік з пояснюючою запискою. Харьков, 1929. С. 10.
[24] Там же. С. 11.
[25] См.: Гардин А. Перспективы госбюджетов в доходной части // Плановое хозяйство. 1928. № 3. С. 102–103.

Поступила в редакцию 08.01.13.

Оксана Викторовна Чеберяко – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов Киевского национального университета им. Тараса Шевченко.

А. Н. МАКСИМЧИК

АСПЕКТЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ (1920-е – НАЧАЛО 1940-х гг.)

Рассматривается процесс становления советской историографии по проблеме присоединения Северного Кавказа к России. Анализируются довоенные специализированные исторические журналы, затрагивающие различные аспекты включения этого региона в состав России. На примере ряда журнальных статей наглядно показаны узловые вопросы в осмыслении проблемы присоединения горцев к России и подходы к их решению (дискуссия по вопросу оценки деятельности и достижений дореволюционной историографии). Делается вывод о том, что центральной проблемой молодой советской исторической науки была слабость методологической и источниковедческой базы, что накладывало свой отпечаток на проблематику статей. Одной из ключевых тем на страницах журналов являлась дискредитация политики России на Северном Кавказе через призму показа целей и методов ее колониальной политики, а также критика идей дореволюционных «дворянских» историков.

Ключевые слова: советская историография; Северный Кавказ; исторический журнал.

The article focuses on the process of becoming Soviet historiography by the issue of joining the North Caucasus to Russia. The subject of the research is the analysis of the pre-war specialized historical magazines wich consider the different aspects of joining this region to Russia. On the example of number's magazine articles visual demonstrated the main questions in comprehension the issue of mountaineer's joining to Russia and the methods of it's solving (the discussion is about the estimation of activity and achivments of the pre-revolutionary historiography). The author concludes that the main significant problem of early Soviet History was the lack of methodological and source study base. This fact influenced by it's own way on problems article. One of the dominant themes in the magazines was discredit of Russia's policy in the North Caucasus via displaying of the purposes and methods of its colonial policy, as well as, criticism of the ideas of pre-revolutionary so-called nobiliary historians.

Key words: soviet historiography; the North Caucasus; historical magazine.

Процесс становления советской исторической науки, эволюция и динамика ее идеологических, структурных, тематических составляющих получили отражение на страницах научных исторических журналов, издание которых в СССР способствовало сплочению историков, избравших марксистскую позицию. Становление исторических журналов, выработка редакционных концепций в их специализации и тематике в 1920–1930-е гг. происходили параллельно с общим организационно-структурным построением научно-исследовательских учреждений советской исторической школы. В эти два десятилетия появились и продуктивно работали такие специализированные журналы, как «Пролетарская революция» (1921–1941), «Каторга и ссылка» (1921–1935), «Красный архив» (1922–1941), «Историк-марксист» (1926–1941), «Революция и горец» (1928–1933), «Борьба классов» (1931–1936), «Исторический журнал» (1937–1945) и др.

На страницах этих периодических изданий исследователи сконцентрировались над практическим внедрением в исторический процесс идей и положений марксизма (в том числе в его сталинской интерпретации), созданием и применением нового научного инструментария при анализе конкретных исторических явлений. Одновременно активно велась борьба на «научном фронте» с дворянской и буржуазной исторической наукой, критиковались и разоблачались построения неокрепших марксистских историков. На первых порах многие историки «притирались» к возможному применению учения о классовой борьбе путем его наложения на комплекс вопросов, связанных с причинами, целями, характером и итогами территориального роста Российской империи и реакцией на эти внешние и внутренние успехи ее многочисленных «угнетенных» народов. При этом перманентные различного масштаба национально-освободительные движения рассматривались в качестве интегральной части мирового революционного процесса. Полученные выводы и результаты позволяли не только дискредитировать свергнутый политический режим, но и подчеркнуть выдающееся значение завоеваний Октябрьской революции, ликвидировавшей эту «тюрьму народов».

Апробация данного методологического «трафарета» была характерна и для публикаций о процессе присоединения Северного Кавказа к России. Первые исследовательские «плоды» такого подхода были получены в конце 1920-х гг., когда произошли серьезные изменения в эволюции политического режима в СССР, приведшие к трансформации исторической науки, что самым непосредственным образом отразилось и на содержании периодических изданий.

В качестве примера характерна судьба работы историка и этнографа Г. А. Кокиева (1896–1955) «Очерки по истории Осетии» (Владикавказ, 1926), на страницах которой он зарекомендовал себя в ка-